

Проведен обзор научных публикаций на тему гетерогенности социальных систем, обсужден комплекс проблем, связанных с этнолингвистическими и религиозными различиями сообществ. Обсуждаются как теоретические подходы к анализу и предложенные модели, объясняющие поведение в условиях социальной гетерогенности, так и результаты эмпирических работ. Затронуты вопросы о стимулах к изучению иностранных языков, возникающих конфликтах между отдельными социальными и культурными группами, об их возможном несогласии относительно экономической политики и объеме и качестве предложения общественных благ, о воздействии большей или меньшей сегрегации. Показано, что издержки коммуникации, с одной стороны, и выгоды от разнообразия – с другой, могут влиять как на установление границ государств, так и на их склонность к внешней экспансии. Результаты эмпирического анализа, представленные как в данной статье, так и в работах других авторов, показывают, что в целом пока издержки гетерогенности перекрывают ее выгоды.

Ключевые слова: этнолингвистическая гетерогенность, издержки коммуникации, выгоды от разнообразия, страны мира

Гетерогенность социальных систем: что мы знаем?

Н.И. СУСЛОВ, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Статья А.В. Котова и А.Н. Пилясова в этом номере «ЭКО» показалась мне чрезвычайно интересной и яркой. Она написана на тему, давно привлекающую внимание исследователей в области антропологии, геоллингвистики, этнологии, социологии. В последнее время ею стали интересоваться и экономисты. Тот факт, что люди бывают непохожи друг на друга – хорошо это или плохо для экономического развития? Превалирующее мнение научного сообщества – скорее нет, чем да. В этом смысле статья Котова и Пилясова выгодно выделяется своим оптимизмом. Правда, не все доводы авторов можно безоговорочно принять. Смущают, в частности, регрессии для темпов роста ВРП некоторых российских регионов с единственной объясняющей переменной – индексом Герфиндаля. Не принято строить регрессии по четырем точкам – надо хотя бы пятьдесят, а лучше – двести. Да и одного регрессора маловато: различия в темпах роста между регионами могут объясняться также и другими факторами. В частности,

в регрессии для экономического роста обычно включают начальные уровни душевого дохода, долю инвестиций в ВРП и темп роста занятости и только после этого – другие индексы. Без этого результатам эмпирического анализа коллеги-ученые не склонны верить.

В статье мы попытались провести обзор работ и результатов ученых, исследующих проблемы неоднородности в социальных системах. Термины «гетерогенность», «диверсифицированность», «фракционированность», «неоднородность» мы, вслед за другими авторами, используем как синонимы, несмотря на их возможные тонкие различия. Иногда, чтобы подчеркнуть положительные стороны гетерогенности, используем слово «разнообразие». Наш обзор не касается никаких материальных активов, кроме самих людей, которые, впрочем, рассматриваются как носители важнейших нематериальных активов.

Есть гетерогенность!

Мир неоднороден, это точно. Оставим в стороне философские проблемы, порождаемые осознанием второго начала термодинамики, требующего возрастания энтропии и, в конце концов, тепловой смерти вселенной. Однородность почему-то не возрастает ни в природных, ни в социальных системах – они остаются гетерогенными и сами состоят из весьма неоднородных элементов. Такое впечатление, что неоднородность, как говорят философы, имманентна всему, что существует, а развитие уж, конечно, не есть упрощение. Деятельность человека приводит к определенным упрощениям, скажем, в природных системах – они приспособляются под его нужды. Но при этом растет и разнообразие продуктов деятельности людей, их знаний, компетенций, виртуальный же, искусственно создаваемый мир, по-видимому, только усложняется. Таким образом, можно говорить не об уменьшении гетерогенности, а о ее «преобразовании» в более сложные формы.

Нельзя не признать, что гетерогенность в одних системах распространена больше, чем в других. В пустыне превалирует песок, и ландшафт однообразен, бедны и флора с фауной. А средиземноморское побережье очень разнообразно по

природным ландшафтам и ресурсам. Л.Н. Гумилев придавал этому фактору очень важное значение как условию зарождения и развития цивилизаций. Действительно, античная культура, возникшая в Средиземноморье, по праву считается колыбелью современной цивилизации, известной также как «Западный мир» или «Европейская культура», широко распространившейся на все континенты. Но центр ее затем сместился к северу Европы, в районы, менее богатые природным разнообразием. Кроме того, на нашей планете есть регионы с разнообразными природными факторами, но почему-то экономически не слишком развитые, например, бассейн реки Амазонки. Может быть, природная гетерогенность – вовсе не такой уж важный фактор? Да и обилие ресурсов помогает не всем и не всегда. Нельзя, однако, не отнестись с интересом к той мысли, что гетерогенность и потенциал находятся где-то рядом.

Почему все люди учат языки? А американцы не учат

Разные типы гетерогенности, неоднородности хорошо наблюдаемы в социальных системах. Сколько на свете разных языков? Последнее издание справочника «Этнолог: языки мира», издаваемого Летним институтом лингвистики, содержит сведения о 6909 языках. Многие из них, правда, являются диалектами, но и без них количество языков, имеющих своих живых носителей, составляет, по оценкам, более тысячи. Неудивительно, что огромное число людей постоянно изучает иностранные языки. Таково следствие лингвистической гетерогенности мира. На вопрос – зачем люди учат другие языки, можно, конечно, ответить просто: хотят общаться, проявляют интерес к

другим культурам. Но есть и ответ, обоснованный серьезным научным анализом: люди учат иностранные языки под влиянием материальных стимулов: их знание расширяет возможности найти хорошую работу или доходный бизнес, а, значит, дает конкурентные преимущества. Это объясняет, почему, например, более склонны изучать языки жители маленьких стран по сравнению с большими. В маленькой стране меньше выбор, а значит, изучение дополнительного языка сулит большую дополнительную выгоду, поскольку человеку легче найти работу или вести бизнес за ее пределами. Можно

также и понять, почему жители США очень редко изучают другие языки: считается, что Штаты – страна наибольших возможностей для карьерного роста, да и заработки там высокие. Зачем американцам изучать чужие языки, если весь остальной мир учит английский, причем именно в американской версии?

Таким образом, лингвистическая гетерогенность не просто вызвала к жизни целую сферу человеческой деятельности и отрасль образования – изучение языков и обучение языкам, переводы с одних языков на другие, но и привела к асимметрии в этой деятельности.

В этом сюжете важную роль играют издержки гетерогенности. Во-первых, потери от упущенных «благодаря» языковым барьерам возможностей в виде несостоявшихся сделок, несделанных инвестиций, ненайденной работы. Во-вторых, издержки связаны с языковым и информационным посредничеством, т.е. с переводом и рекламой (тип издержек коммуникации). Наконец, в-третьих, – собственно затраты на обучение как в денежной форме, так и в виде затраченного времени и усилий. Следует также учесть различия в индивидуальных способностях, как это делается в модели Зеллена и Пула¹. Более способные люди экономят на этих издержках и по этой причине более склонны к изучению иностранных языков. Поскольку в молодости люди лучше усваивают чужую речь, это одна из причин, почему молодые люди чаще изучают языки. Другая причина, тоже важная, состоит в том, что у молодежи больше возможностей реализовать дополнительные конкурентные преимущества, поскольку у них больше времени впереди, а значит, ожидаемые выгоды выше.

Но выгоды, которые приносит изучение языков, связаны не с существованием гетерогенности, а с ее преодолением. Они позволяют окупать издержки, поэтому люди идут на изучение языков. Ответ на вопрос о том, приносит ли лингвистическая неоднородность какие-либо выгоды сама по себе, остается неясным, хотя скорее он негативен. Конечно, она отражает различия в культурах народов, которые, бесспорно,

¹ *Selten R. and Pool J. The Distribution of Foreign Language Skills as a Game Equilibrium, Utilika Foundation, WRF Venture Center, 1991*

содержат потенциал развития, именно только отражает. Однако изучение иностранных языков способствует развитию человеческого капитала, делает людей культурнее и креативнее. Если это так, то гетерогенность полезна, иначе говоря, имеет положительные экстерналии, но проверить это эмпирически очень трудно, а доказать математически, наверное, невозможно.

Другое интересное направление исследований, связанное с лингвистической гетерогенностью, связано с проблемой выбора государственных или официальных языков. Их в разных странах – разное количество (например, в Индии – 20, в Украине – 1, в России тоже 1, но есть дополнительные государственные языки практически во всех национальных республиках), а во многих странах мира они вообще отсутствуют или не установлены. Зато официальные языки приняты в надгосударственных структурах, таких как Евросоюз, где их 23, СНГ (1) или ШОС (2). Проблема состоит в том, что, с одной стороны, таких языков не должно быть слишком много, потому что на них издаются все официальные документы и ведется все делопроизводство, что достаточно дорого. Но, с другой стороны, в лингвистически неоднородном сообществе, скажем в Евросоюзе, чем меньше официальных языков, тем больше людей, испытывающих неудобства от того, что они не владеют ни одним из них. Тогда проблема ставится следующим образом: какие языки и сколько их выбрать в качестве официальных? Для ее решения разработаны специальные методы, предполагающие сравнение различных комбинаций языков по критерию минимизации совокупных издержек, включающих как прямые издержки «многоязычия делопроизводства», так и издержки «отсоединения» этносов, входящих в данную юрисдикцию (страну, надгосударственную структуру), но не владеющих ни одним из официальных языков и потому испытывающих неудобства от недоступности информации и затрудненности ведения делопроизводства.

Этнолингвистическая гетерогенность скорее головная боль, чем благо. И почему не развивается Африка?

Исследователи уделяют много внимания этнической неоднородности, которая тесно связана с лингвистической, но не совпадает с ней полностью. Так, в странах Латинской

Америки многие народности, имеющие генетические и даже расовые различия, говорят на одном языке, скажем, испанском или португальском. По этой причине указанные страны в этническом смысле более диверсифицированы, чем в лингвистическом. Вместе с тем само определение этноса часто основано на лингвистических признаках, скажем, в Швейцарии или Бельгии национальности выделяют именно по языковой принадлежности. Таким образом, с известной долей условности этническую диверсификацию можно считать более общей, чем лингвистическую. Поэтому первую часто называют «этнолингвистическая фракционализация», используя термин «фракционализация» как синоним для гетерогенности.

Изучение этнических различий весьма важно, поскольку различные этносы, живущие в одном государстве, часто конкурируют за ресурсы и власть, обладание которыми позволяет одному этносу «извлекать ренту» за счет

ухудшения позиций других, что особенно характерно для стран Сабсахариальной Африки, но не только. Многонациональные государства часто поляризуются в политическом смысле, а это ведет к ухудшению экономической политики, уменьшению предложения общественных благ, включая инфраструктуру и образование, снижению качества человеческого капитала. В этнически более фракционализованных обществах, как правило, выше уровень коррупции.

Интерес экономистов к проблеме этнолингвистической неоднородности усилился после публикации знаменитой статьи Эстерли и Левайна «Трагедия развития Африки. Политика и этническое разделение»². Она стала знаковой по двум причинам. Впервые вопрос об этнолингвистической неоднородности был поставлен в центр социально-экономического анализа на глобальном уровне. Фактически утверждалось, что этнические различия могут не только затруднить развитие, но и стать причиной трагедии целых регионов мира. Также впервые был проведен комплексный эмпирический анализ влияния социальной неоднородности на долгосрочные результаты экономического развития на больших массивах статистических данных

² *Easterly W. and Levine R. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions // The Quarterly Journal of Economics. – 1997. – V. 112(4). – P. 1203–1250.*

по ряду стран мира, и не только африканским. Были построены и проанализированы так называемые «регрессии для темпов роста» (growth regressions), включавшие специальные переменные, измерявшие степень неоднородности в различных странах. Такие же регрессии анализировались и для достигнутых уровней душевого дохода.

Как основной измеритель был использован разработанный в СССР в 1960-х годах сотрудниками Института этнологии им. Миклухо-Маклая СО АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) и затем опубликованный в Атласе народов мира³ индекс этнолингвистической фракционализации (он назван ETHNITY, часто в англоязычной литературе называется также ELF-index). Он рассчитывается как единица минус упоминаемый в статье А.В. Котова и А.Н. Пи-лясова индекс Герфиндаля, используемый, например, для измерения степени монополизации отраслей. В таком виде индекс измеряет вероятность того, что два случайно выбранных жителя данной страны окажутся представителями разных этнических (или более обще – социальных) групп.

Результаты регрессионного анализа Эстерли и Левайна демонстрируют сильную значимость показателей этнической диверсифицированности для объяснения различий между странами в темпах роста с 1960 по 1990 гг. и достигнутых уровней душевого дохода. Оказалось, что она негативно скор-релирована с этими величинами как в регрессиях, включавших только стандартные регрессоры, отвечающие за экономический рост (например, начальный душевой доход), так и при введении регрессоров, характеризующих качество экономической политики и предложение общественных благ, хотя во втором случае ее значение для регрессии в целом и снижается. Такие факторы, как дефицит госбюджета, ценовые искажения, финансовый долг, политическая нестабильность, инфраструктура и человеческий капитал, важные для стабильного роста и при этом подверженные негативному воздействию диверсифицированности, оказываются, не вытесняют из регрессии переменную ETHNITY полностью, а только снижают ее значение. Это означает, что гетерогенность

³ *Брук С.И. Атлас народов мира. – М., 1964.*

воздействует на рост и доход не только через них, но и еще какими-то способами, которых модель не учитывала. Но, несомненно, было подтверждено, что все эти факторы представляют собой важные передаточные средства в общем механизме влияния этнолингвистической неоднородности на рост и развитие.

Результаты эмпирического анализа оказались вполне совместимыми с теоретическими представлениями о том, что этническая неоднородность может усиливать борьбу за ренту, когда разные группы начинают конкурировать между собой за власть и ресурсы. Это может приводить или к подавлению одних групп другими, что, тем не менее, не уменьшает политическую нестабильность, поскольку подавляемые группы, как правило, борются за реванш. Также возможен раздел сфер влияния, когда отдельным группам удастся захватить и закрепить за собой какую-то сферу в экономике и обществе. Тогда фактически ресурсный и рентный потенциал экономики превращается в своего рода «общий фонд», подвергаемый разделу, что снижает и темп роста, и выпуск⁴.

В общем, этническая гетерогенность ведет к тому, что принимающие решения группы намеренно выбирают стратегию развития, как правило, далекую от социального оптимума, но при этом позволяет этим группам извлекать ренту. Часто используется, например, завышение официального обменного курса местной валюты, что приводит к появлению черного рынка иностранных валют и импортируемых товаров. Разница между официальными и теневыми уровнями цен и обменных курсов становится источником ренты для аффилированных групп. Такие методы достаточно долго использовались в Гане – практически до середины 1980-х годов.

Другой тип такой стратегии – поддержание низких ставок на кредитных рынках, при этом в основном кредиты попадают к своим и, конечно, тратятся неэффективно. Дешевые же деньги усиливают финансовую нестабильность. Еще один вариант – «управление» инвестиционными потоками, например,

⁴ *Dayton-Johnson J. and Bardhan P. Inequality and conservation on the local commons: A theoretical exercise // Economic Journal. – 2002. – V. 112(481). – P. 577–602.*

в дорожное строительство, или другими бюджетными средствами, скажем, на медицинское обслуживание. В Кении в 1980-е годы эти деньги шли главным образом в тот регион, где проживала одна из двух конкурировавших народностей – кениата или мои – в зависимости от того, какая из них доминировала в правительстве. Есть о чем задуматься, глядя на Россию и вспоминая две чеченские войны. Отвоюют ли себе такой же кусок общего пирога и другие республики Кавказа? Итак, в чем же состояла трагедия Африки? Когда в 1950–1960-е годы африканские страны получили независимость, среди политиков и ученых было распространено мнение, что этот регион – Сабсахариальная Африка – сумеет воспользоваться своим природным и человеческим потенциалом, и ожидавшиеся 7–7,5% годового прироста есть отражение этих надежд. На самом деле темпы были кратно ниже, а в некоторых странах, например, в Нигерии, экономического роста и вовсе не произошло. В этих странах плохое качество экономической политики, слаба инфраструктура, низок человеческий капитал. При этом зашкаливают число убийств на 100 тыс. человек, доля теневой экономики в ВВП и уровни коррупции⁵. Авторы статьи «Трагедия развития Африки. Политика и этническое разделение» убедительно показывают, что в значительной степени в ответе за это этнолингвистическая гетерогенность стран Африканского континента, располагающихся южнее Сахары. Что также важно, она была усугублена при определении границ новых независимых африканских государств, которые проводились весьма произвольно и зачастую делили территории племен, группы которых отходили в разные государства.

Еще меры для гетерогенности, еще догадки

Со времени опубликования статьи Эстерли и Левайна переменные, измеряющие социальную неоднородность, вошли в стандартный арсенал исследователей, изучающих детерминанты экономического роста. Исследователи пытались подтвердить, дополнить либо опровергнуть их результаты.

⁵ Сулов Н.И. Проект ООН «Будущее мировой экономики»: что не сбылось? // ЭКО. – 2011. – № 12.

В 1999 г. коллектив авторов из Гарварда⁶ опубликовал результаты своего анализа регрессий качества государственных институтов с вовлечением фактора, указывающего на «источники происхождения» систем законодательства. Предполагалось, что качество современных систем законодательства в государствах мира и более широко – качество экономических институтов определяется их происхождением. Всего было выделено пять типов систем законодательства – британская, французская, скандинавская, немецкая и социалистическая. При этом британская система, распространенная в Северной Америке и других странах Британского содружества, считается более благоприятствующей экономическому развитию, чем французская, охватившая Латинскую Америку, значительную часть Африки и Восточную Европу и, кстати, страны бывшего Советского Союза. Если это учесть в регрессиях, то получается, что роль гетерогенности сильно падает, хотя остается значимой.

Очередным этапом общего процесса анализа гетерогенности стало конструирование индексов фракционализации, также измеряющих разные стороны социальной неоднородности, но на основе привлечения гораздо более обширного статистического материала, включающего лингвистические, этнические и религиозные различия. Кроме индексов, подобных переменной ETHNICITY, были предложены также индексы поляризации, имеющие несколько другой смысл. Они достигают максимума не тогда, когда каждый член сообщества формирует отдельную группу, а когда все сообщество разделяется на две равные по величине группы, т.е. как бы поляризуется. У этого индекса низкие значения тогда, когда групп много и они разной величины. Тем не менее оба индекса показывают одно и то же на больших диапазонах распределения групп сообщества по численности и величине и сильно различаются только в крайних случаях. Индексы, рассчитанные по технологии этнолингвистической фракционализации (Linguistic, Ethnic and Religion), оказались гораздо более представительными по сравнению со старыми мерами неоднородности, включая

⁶ La Porta R., Lopez de Silanes F., Shleifer A. and Vishny R. The Quality of Government // Journal of Law, Economics and Organization. – 1999. – Vol. 15. – № 1. – P. 222–279.

ETHNICITY, поскольку основывались на существенно более детальных статистических данных. Исследование, проведенное авторами⁷, в значительной мере воспроизводило работу Эстерли и Левайна, но включало и новые моменты. Так, следуя Ла Порте и компании, с помощью новых индексов исследовали воздействие фракционализации на детерминанты качества государственных институтов (число убийств, доля сальдо госбюджета в ВВП, финансовый долг, продолжительность образования, уровень телефонизации). Использовались также переменные, отвечающие за происхождение систем законодательства.

Результаты данного, в значительной мере эмпирического исследования, во-первых, во многом подтвердили анализ Эстерли и Левайна, в тех случаях, когда в качестве оценок гетерогенности использовались переменные Ethnic и Linguistic. Они оказались весьма значимы для объяснения как переменных роста, так и показателей качества государственных институтов, и с теми же знаками, что у Эстерли и Левайна. Но, во-вторых, переменная Religion «проявила себя», скорее, положительно, во всяком случае, для объяснения продолжительности образования, хотя и оказалась малозначимой в регрессиях для роста. Авторы объяснили сей факт тем, что большая религиозная гетерогенность общества может свидетельствовать о его большей толерантности, что само по себе составляет положительное условие для развития. Здесь, однако, есть о чем задуматься: ведь, с другой стороны, религиозная гете-

рогенность является признаком гетерогенности культурной. А различия в культурах могут проявляться в различиях в системах ценностей, нормах поведения, что, в свою очередь, может вызвать недоверие между разными группами людей и их несогласие относительно количества и качества предложения общественных благ и установления общих норм и законов.

В-третьих, их результаты несколько отличны от результатов коллектива авторов Ла Порты и др. Если последние оценили фактор происхождения юридических систем как более

⁷ *Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S. and Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. – 2003. – V. 8. – P. 155–94.*

важный по сравнению с фактором гетерогенности, то авторы статьи о фракционализации не нашли такого доминирования. Их вывод – пока не ясно, что важнее, но и то и другое достаточно важно.

Позже были предложены новые измерители социальной гетерогенности стран мира. Один из них получил название «индекса культурной диверсифицированности» в предположении, что различия между языками хорошо представляют различия между культурами носителей этих языков. Указанный индекс инкорпорирует не только количество и доли разных лингвистических групп по странам, но и «дистанции» между языками, трактуемые как величины культурных различий. Этот индекс был опубликован в статье Феарона⁸, где он также сравнивался с другими мерами социальной неоднородности, но его работоспособность в качестве регрессора на переменные роста или институциональные детерминанты не проверялась. Думается, однако, что сама новация, связанная с учетом величины различий между группами, является очень обещающей.

Где и как возможно измерение дистанций? В генетике и лингвистике. В генетике – это генетические различия, по которым можно судить, как давно разные этносы имели общего предка, в лингвистике – различия между языками, измеряемые, например, количеством однокоренных слов, по которым можно судить, как давно этносы имели общий язык. Когда разошлись гены и языки, тогда же, вероятно, и культуры с их разными представлениями о добре и зле и о том, как следует себя вести. Если суметь учесть в индексах диверсифицированности эти расстояния, то можно получить более точные меры диверсифицированности внутри стран, что позволит более обоснованно сравнивать их между собой.

Сегрегация и демократизация: все очень непросто

Оказывается, что, конструируя меры неоднородности, следует принимать во внимание также структуру расселения этносов. Если они живут компактно и совместно, то это не то же самое, чем когда они «перемешаны», например,

⁸ *Fearon J. Ethnic and Cultural Diversity by Country // Journal of Economic Growth. – 2003. – V. 8(2). – P. 195–222.*

в городах. В статье Алесины и Журавской⁹ представлены индексы этнической, лингвистической и религиозной диверсифицированности с учетом сегрегации национальных групп (индексы сегрегации). Как известно, слово «сегрегация» переводится на русский как «разделение», что в данном случае означает раздельное проживание этносов. Чем выше указанные индексы, тем в большей степени этнические, лингвистические или религиозные группы склонны проживать раздельно. Авторы провели анализ воздействия сегрегации на показатели качества регулирования. Выяснилось, что индексы диверсифицированности с учетом сегрегации достаточно сильно отличаются от обычных индексов диверсифицированности. Более того, высокие уровни этнической и лингвистической (но не религиозной) сегрегации при прочих равных условиях заметно ухудшают качество регулирования: если этносы живут в данной стране компактно, то это хуже для ее развития.

Этому есть, по крайней мере, три объяснения. Во-первых, это может говорить о большей степени недоверия и несогласия, чем если они живут вместе, когда более вероятен эффект «плавильного котла» и взаимного обогащения культур. Недоверие же и несогласие в обществе мешают его развитию. Во-вторых, возникающие межэтнические конфликты могут заставить центральное правительство использовать финансовые средства не на реальные нужды экономики, а на погашение конфликтов и умиротворение недовольных этнолингвистических групп, в свою очередь, последние могут намеренно провоцировать такие конфликты для захвата финансовых средств и ресурсов. Очень похоже на Россию и даже СНГ, если вспомнить торгово-газовые конфликты? Наконец, в-третьих, компактное проживание этнических групп, особенно закрепленное конституционно, может привести к тому, что в представительные органы выбираются депутаты, выражающие их интересы. Это тоже может снижать качество управления и политики, правда, лишь в демократических государствах. Как показали Банерджи и Панде¹⁰ – это действительно так для демократической Индии.

⁹ *Alesina A., and Zhuravskaya E. Segregation and the quality of government in a cross-section of countries. – Moscow: Harvard University and New Economic School, May 2009.*

¹⁰ *Banerjee A. and Pande R. Parochial Politics: Ethnic Preferences and Politician Competition // KSG Working Paper. – 2000. – №. RWP07–031.*

Вообще, взаимоотношения социальной неоднородности и демократии скорее печальны, чем удовлетворительны.

С одной стороны, имеются эмпирические свидетельства, что демократия смягчает негативное воздействие неоднородности, наверное, потому, что в демократических странах лучше представлены меньшинства. Но демократические страны – это чаще всего и богатые страны, и возможно, что дело не столько в форме устройства власти, сколько в больших возможностях гасить конфликты. Кроме того, в богатых странах и без демократии выше качество институтов и политики, что тоже может смягчать негативные последствия социальной диверсифицированности.

В относительно бедных странах все сложнее. Во-первых, чем беднее и неоднороднее страна, тем больше вероятность того, что это будет авторитарное государство или даже диктатура. Как уже отмечалось, в таких странах сильнее стремление к власти отдельных групп, желающих создать себе условия для извлечения ренты. Как показала новейшая история, попытки демократизации в полиэтнических диктатурах и империях могут привести к их распаду (СССР, Югославия) или усилению центробежных тенденций (Ирак и, может быть, Испания после Франко). Часто в неоднородных «новых демократических» странах происходит ухудшение политики, поскольку прежде изолированные от власти бедные и маргинальные группы начинают вносить свою лепту в процесс принятия решений.

А есть ли вообще выгоды от гетерогенности?

До сих пор мы обсуждали причины и каналы негативного влияния гетерогенности на экономическое развитие, т.е. связанные с ней издержки и потери. А как насчет ее позитивных эффектов? Часто люди сомневаются, что таковые вообще существуют. Мне кажется, что пока что этот вопрос не слишком хорошо понят научным сообществом. О позитивном воздействии разнообразия проще рассуждать в философских категориях: потенциал, синтез. Очевидно, что позитивную роль этнической гетерогенности можно заподозрить и в историческом плане. По Л.Н. Гумилеву, в зарождении нации всегда принимали участие разные народности, что содействовало

экономическому буму, поскольку эти люди, как правило, были специализированы на производстве разных продуктов. Становилось возможным быстрое развитие торговли, сопровождавшееся производственной интеграцией, взаимным обучением, а затем, наверное, и культурным синтезом. Возможно, эти процессы где-то идут и сейчас, но если и так, то очень медленно.

Так в чем и как могут проявляться выгоды от гетерогенности для современного общества? Заслуживает внимание утверждение А.В. Котова и А.Н. Пилясова со ссылкой на Шум-петера о том, что новое знание возникает на основе интеграции уже существующих идей. Это, конечно, интересно, но встает вопрос, в какой мере такой интеграции помогает именно этническая гетерогенность в современной фирме, где все сотрудники получили образование в университетах, а там обучают примерно по одним и тем же программам (хотя, наверное, в Чикаго лучше, чем в Стамбуле, а в Стамбуле – чем в Аддис-Абебе)? Скорее, тут может помочь интеграция разных ветвей науки, о чем, впрочем, тоже говорится в статье этих авторов. Только очень сомнительно, что гетерогенность этническая есть носитель гетерогенности научной.

Вместе с тем имеются свидетельства, что гетерогенные коллективы, если отвлечься от их большей склонности, которая не идет на пользу производительности труда, все же в среднем более продуктивны¹¹. Одно из объяснений состоит в том, что этническая гетерогенность помогает, если общая работа требует комплиментарности профессий¹², что, правда, тоже не очень понятно. Можно констатировать, что пока вопрос остается непроработанным. Но он становится немного яснее, если говорить не об этнической, а о *культурной* неоднородности, с которой этническая связана. Тогда можно использовать в анализе производственную функцию типа Диксита – Стиглица, в которой выпуск увеличивается, если растет число используемых производственных факторов, и интерпретировать эти факторы как различные профессиональные компетенции. Различия же в профессиональных компетенциях проще увязывать с различиями в культурах их носителей.

¹¹ O' Reilly C., Williams K. and Barsade S. (1997.) Demography and group performance. Working paper, unpublished.

¹² Pratt A. (2000). Should a team be homogeneous? Working paper, unpublished.

В работе Алесины и Ла Феррары¹³ анализируется теоретическая модель, в которой гетерогенность воздействует на экономику двойственно: негативно через предпочтения участников и положительно – через производственную функцию типа Диксита – Стиглица. Отрицательное воздействие задается через нежелание использовать общественные блага совместно с членами других групп: полезность использования общественных благ, конечно, положительна для отдельного потребителя, выделяемого в модели, но она снижается, если число групп растет. За таким предположением стоит возможность конфликтов или просто нежелание видеть людей, не похожих на вас, на «общих территориях», скажем в парках, на стадионах или в театрах. Другое объяснение – чем больше имеется групп, тем больше представлено вкусов – взглядов на то, каковы должны быть потребительские характеристики совместно используемых общественных благ, в то время как последние, скорее всего, унифицируются по вкусу медианного потребителя. Поэтому их потребительские свойства тем сильнее не нравятся членам конкретных групп, чем больше типов вкусов.

Производственная функция зависит от затрат традиционного производственного фактора, скажем, труда, и количества групп, поскольку каждая группа имеет особую профессиональную компетенцию. С доходов снимаются налоги, выручкой от которых финансируется предложение общественных благ. Производство в точности равняется сумме благ, потребляемых частным образом, и общественных благ. Несмотря на простоту модели, ее

математический анализ дает значимые результаты.

Так, можно видеть, что с ростом социальной фракционализации обществом (или неким «социальным плановиком» – центром, который следует интересам общества в целом) будет выбрана меньшая норма налогообложения, а значит, и предлагаться меньше общественных благ. Не любят люди делиться с чужими и несимпатичными им и не хотят отдавать свои деньги на общие дела. Эмпирически данный вывод подтвержден как автором рассматриваемой статьи, так и другими исследователями.

¹³ *Alesina A. and La Ferrara E. Ethnic Diversity and Economic Performance // Journal of Economic Literature. – 2004 – V. 43. – № 3. – P. 762–800(39).*

Но если растут производительность труда и доход, то люди становятся более толерантными и готовы терпеть более высокую фрагментацию. Одновременно можно утверждать, что более богатое общества имеет большие выгоды от гетерогенности. Рассматривавшаяся статья, кроме теоретической модели, включает ее эмпирическое тестирование, которое подтверждает, что чем выше начальный доход, тем совокупное отрицательное воздействие диверсифицированности на рост меньше. Это, наверное, означает, что выгоды от разнообразия растут вместе с доходом.

Интересные выводы следуют из модели, если допустить возможность эндогенного установления размеров государства, в котором существуют различные группы. Оказывается, с позиции соотношения выгод от разнообразия и издержек гетерогенности существует оптимальная величина государства! В самом деле, появление еще одной группы при неизменной средней величине групп увеличивает как выгоды от разнообразия, так и издержки гетерогенности. Если выгоды больше, то существует стимул присоединения еще одной группы. Если же издержки слишком велики по сравнению с выгодами, то может возникнуть центробежная сила, угрожающая целостности государства. Таким образом, модель предсказывает, что более крупные государства при прочих равных условиях являются более производительными. Это действительно так, но только в том случае, если для этой страны есть ограничения на внешнюю торговлю, что чаще бывает не в демократиях, а автократиях и диктатурах. Такие страны чаще бывают более агрессивными, чем демократические, хотя, конечно, стремление к выгодам от разнообразия – не единственный фактор, определяющий внешнюю политику. Если страна имеет свободную внешнюю торговлю, то фактор ее величины не столь значим.

Некоторые авторы, однако, настаивают, что при анализе проблемы величины и границ государства следует принять во внимание, что общественные блага обладают свойством роста отдачи от расширения масштаба. Это означает, что если страна и население растут, то рациональный объем предложения общественных благ тоже увеличивается, но в меньшей степени. Но тогда в большой стране душевые затраты на

92

СУСЛОВНИ.

финансирование общественных благ должны быть меньше, чем в маленькой. Эту экономию, наверное, следует добавить к выгодам от разнообразия. При таком взгляде привлекательность увеличения масштабов страны усиливается, и ей уже не противостоит свобода торговли.

Но это все, конечно, теория, а как в жизни? А в жизни по-разному. Но что-то в этом есть.

Да, есть выгоды!

Но издержки гетерогенности пока что больше

В заключение хочется чуть-чуть охарактеризовать собственный, очень скромный вклад в анализ издержек и выгод от разнообразия. Некая первоначальная версия предлагаемой нами теоретической модели была опубликована в сборнике «Economic Policy and Global Recession», вышедшем по итогам одноименной конференции Университета Белграда¹⁴.

Мы моделируем разные группы сообщества, которые различаются двумя детерминантами – своими размерами, как долями в общем населении, и в величиной своей самоидентификации – осознанием особенностей своей культуры. Далее предполагаем, что чем сильнее данная группа идентифицирует свои особенности, тем выше вводимый нами коэффициент самоидентификации.

Каждая группа осуществляет два вида деятельности – продуктивную и направленную на извлечение ренты. Продуктивная облагается налогом, доход от которого составляет основу для формирования «общего фонда» ренты, за распределение которого и идет борьба. Стремление захватить «кусочек» ренты задается в модели как пропорционально зависящее от коэффициентов самоидентификации. И еще: темп прироста реального дохода специфицируется как зависящий положительно от производимого в обществе разнообразия – просто количества групп, и негативно – от объема деятельности по захвату ренты.

Теоретически удастся подтвердить, что рост социальной неоднородности в обществе увеличивает объем усилий, направленных на дележ чего-либо (в нашей модели – создаваемой ренты). Это снижает темпы роста экономической системы. Вместе с тем, если рост диверсифицированности экономики сопровождается ростом разнообразия полезных видов деятельности, то возможно и увеличение темпов роста. Тогда издержки и выгоды социальной гетерогенности «борются» друг с другом.

¹⁴ *Suslov N. Duality of social diversity: quality of institutions and economic development // Economic Policy and Global Recession / ed. A. Прагльевич, В. Серович, М. Јакљич; Univ. of Belgrade. – Belgrade: ИУГУРА Print, 2009. – V. 1. – P. 221–232.*

Наш эмпирический анализ показывает, однако, что потери от гетерогенности в большинстве стран перекрывают

выгоды (это отмечали и другие авторы). Пока что в социальных системах гетерогенность создает больше проблем, чем дает выгод.

Мы построили систему из трех регрессионных уравнений – для темпа прироста душевого ВВП за период, начиная с 2000 г., по странам мира, для доли инвестиций в ВВП и для институциональной переменной, которая готовится Всемирным банком и называется «Верховенство закона». Она показывает, насколько эффективно законодательство данной страны позволяет поддерживать порядок и обеспечивать развитие экономики. В качестве регрессоров мы наряду с обычно используемыми переменными включили индексы диверсифицированности, похожие на те, что обсуждались выше. Мы использовали две их версии – индекс поляризации и индекс, определенный по методологии расчета индекса ELF. Результаты оказались практически идентичными.

При этом выяснилось, что институциональные условия связаны со степенью гетерогенности негативно, а инвестиционный климат – неоднозначно: чем выше достигнутый уровень качества человеческого капитала в данной стране, тем выше позитивное влияние разнообразия, т.е. тем лучше используются возрастающие возможности инвестирования. На основе оценки регрессий рассчитаны показатели воздействия гетерогенности на темпы роста душевого ВВП по странам мира. В качестве такой меры мы выбрали коэффициенты эластичности показателей темпов прироста ВВП от индексов диверсифицированности, которые показывают, на сколько процентов меняется темп прироста, измеряемый в процентных пунктах, при увеличении используемой меры гетерогенности на один процент.

От чего зависит этот показатель? Во-первых, от уровня гетерогенности: если она высока, то сильнее должно быть и ее влияние на развитие. Но еще, по нашему предположению, и от имеющегося институционального окружения. Чем хуже качество экономических и политических институтов, тем выше ущерб от роста гетерогенности. Как видно из таблицы, так и получается.

Мы приводим результаты в двух версиях: при использовании в регрессиях индекса поляризации и ELF-индекса. В качестве иллюстрации для обобщенной меры качества институтов мы используем показатель количества убийств на 100 тыс. чел., хотя он характеризует, скорее, качество государственных институтов и в меньшей степени – рыночных. Но закономерность просматривается хорошо. Величины эластичности по большинству стран выборки и в среднем по группам стран закономерно получились отрицательными,

Коэффициенты эластичности показателей темпов прироста ВВП по выборке стран мира от индексов диверсифицированности

Регионы и страны	Количество экономик в группе	Индексы диверсифицированности, рассчитанные с использованием методологии формирования		Количество убийств на 100 тыс. чел. (2009 г.)
		индекса поляризации	индекса ELF	
Арабские страны	4	-0,10	-0,04	1,81
Страны АТР	9	-0,42	-0,15	2,84
Западная Европа	19	-0,64	-0,12	1,42
Восточная Европа и Балтия	11	-0,63	-0,45	3,19
Выборка по миру, в среднем	68	-1,31	-0,94	8,65
Страны СНГ	4	-1,72	-1,31	10,84
Северная Америка	3	-1,96	-1,52	6,15
Латинская Америка	7	-4,05	-3,17	23,31
Черная (Сабсахариальная) Африка	3	-4,57	-5,17	22,95
Россия		-5,13	-3,98	29,70
Бразилия		-8,38	-7,00	30,80
Южная Африка		-7,27	-8,25	39,50
Колумбия		-8,69	-6,72	61,10

а влияние гетерогенности – все же не слишком сильное: по максимуму это около 9%, что, например, при 3% прироста составит примерно 0,27 п.п. Но это по максимуму, а в среднем по миру, тем более по европейским странам, его трудно признать очень значимым.

Отдельно надо сказать о странах арабского мира. В регрессиях использованы статистические данные, относящиеся к временному периоду до начала «арабской весны» (2010 г.). Наверное, использование данных за более поздний период изменило бы позицию этих стран, во всяком случае, по числу убийств на душу населения. С другой стороны, на величину коэффициентов эластичности оказали влияние и достигнутые уровни гетерогенности. И Латинская Америка, и Сабсахариальная Африка, и страны СНГ не только проблемны в смысле институциональных условий, но и очень гетерогенны. А проблемны – в том числе и потому, что гетерогенны.